

Грамматические особенности говора села Великие Лазы Ужгородского района Закарпатской области: значения предлога *na*

Михаил Капраль/Елена Будовская*

1. Введение

1.1. Село Великие Лазы: географическое положение и характер диалекта

Село Великие Лазы находится на границе с венгерской языковой территорией, в десяти километрах от венгероязычного до середины XX века Ужгорода. Южная равнинная часть села граничит с землями венгерского села Хомци (венг. Korláthelmes, укр. Холмець). Жители села всегда были активно связаны с соседним Ужгородом. Некоторые там работали, или учились; многие продавали на рынках в Ужгороде продукты, грибы, ягоды. В город ходили пешком „на Дравецькій ліс“, к этой своеобразной грамматической форме вернемся в нашем исследовании. Сегодня село фактически является спальным районом областного центра.¹

* Авторы благодарят Андраша Золтана, Михаила Капралья мл., Stefan Küppers, Timea Veres за помощь в переводе и оценке венгерских, немецких, словацких и великолазских русинских конструкций. Авторы благодарят Андраша Золтана также за прочтение первого варианта статьи и за ряд ценных замечаний.

1 Языковые материалы, отражающие близость города, достойны стать объектом специального исследования. Ср., например, некоторые

Русинский диалект с. Великие Лазы до сих пор не был объектом системного описания, хотя сохранились отдельные упоминания его у Панькевича, посетившего село в 1926 г. Наши материалы (М.К.), собранные в течение последних десяти лет, свидетельствуют о том, что говор села Великие Лазы принадлежит к ужанскому диалекту, представляет его юго-восточные границы. На это указывает фонетика говора, в том числе гласные. На месте давнего /o/ в новозакрытом слоге произносится звук у, на месте давнего /ы/ после губных согласных — звук близкий к /o/, возникший, по-видимому, в результате огубления /ы/ (ср. его произношение к северу от села, в районе Ворочово — *ы^o*) Панькевич считает эту черту свойственной нескольким селам около Ужгорода (Панькевич 1938: VI, 32). Если говорить о гласных, то следует отметить отсутствие в чистом виде в говоре звука *и*, который произносится гораздо ближе к *i*, ср. *то^hпанкі* ‘туфли’, *‘vid’imi* ‘видеть’ и т. д., или к *e*, ср. *учи^eти* ‘учить’, *‘баби^eн* ‘бабушкин’ и т. д.; значительное сужение /o/ и /e/ перед мягкими согласными, перед слогами с суженными /o/ и /e/ и в некоторых других позициях, ср., *‘вôч’i* ‘глаза’, *‘бôл’ачий* ‘болезненный’, *‘стôл^eц* ‘стул’, *‘дêн’* ‘день’ и т. д.

Поскольку село находится на границе восточнорусинской и западнорусинской диалектных зон, в говоре встречаются как западнорусинские, так и восточнорусинские черты. Из морфологических черт обращает на себя внимание окончание 1 л. ед. ч. *-ам* (*знам* ‘знаю’, *‘думам* ‘думаю’, *мам* ‘имею’), которое встречается в говоре

устойчивые выражения: *вôн’ач’ий, ги нати^hкар’с’кій* *‘нес* ‘вонючий, как собака аптекаря’ (при том, что в селе никогда не было аптеки); *Шô-с’ на н’а* *‘вупули’у вокал’i, ги на Рêзидiнцiйи* *‘облакi?’* ‘Что ты вывалил глазищи величиной с окна на здании Управления Мукачевской грекокатолической епархии?’. Здание епископата, а также дорога в главный храм грекокатоликов на нынешней Капитульной улице была хорошо известна жителям села, как и соседние городские достопримечательности и городская топонимика, ср., например, *‘Бат’уу’ дуфорт* ‘пассаж Бати, прилегающий к нынешней площади Театральной’. Местное название дороги к сельскому храму, *‘Сôрôшка*, по-видимому, также заимствовано из топонимики Ужгорода: именно так ужгородцы когда-то называли крутой спуск от храма в сторону нынешнего “перечинского” автовокзала на площади Корятовича.

параллельно с окончанием -у (¹знаву ‘знаю’, ¹маву ‘имею’). Окончание -ам, согласно материалам Панькевича, спорадически встречается около Ужгорода, а последовательно — на запад от линии Снина – Стакчин – Звала (Панькевич 1938: 301), в то время как окончание -у господствует к востоку от Ужгорода. Таким образом, наличие двух окончаний в говоре Великих Лазов указывает на его смешанный характер. Кроме этого, в диалекте прослеживается некоторое количество окончаний -ох в П. мн. существительных мужского рода, причем в некоторых словах с большей последовательностью, чем в других (так, у представителей старшего поколения в названии села встречается только окончание -ох: у ¹Лазох). Панькевич описывает наличие окончания -ох и его экспансию в склонение сущ. о-основ как характерные для западных русинских говоров (Панькевич 1938: 214). Западные лексические черты, в т. ч. лексические словакизмы отмечены в говоре даже среди таких частотных слов, как ¹кѣл’о ‘сколько’, ¹вѣл’о ‘много’. Среди восточных черт диалекта Великих Лазов можно назвать наличие сужения о перед i и у (¹поле ‘поле’ – у ¹пôл’у ‘в поле’, ¹вода ‘вода’ – у ¹вôд’i ‘в воде’). Панькевич описывает это сужение как господствующее на восток от р. Лаборец, за исключением гуцульских говоров (Панькевич 1938: VII). Еще одна восточная фонетическая черта — отсутствие отвердения ц в суффиксе (e)ц’; по Панькевичу, эта черта свойственна территории восточнее р. Цироха, кроме гуцульских говоров.

Кроме наличия в диалекте и западных, и восточных русинских черт, в нем присутствует большое количество заимствований, венгерских и словацких. Лексические заимствования из венгерского кратко рассмотрены одним из авторов данной работы в статье (Капраль 2014). В данной работе нас будут интересовать не лексические, а грамматические заимствования, а именно, некоторые конструкции с предлогом на (¹Увід’ів-ім го на ¹облак ‘Я увидел его в окно (сквозь окно)’, на нѣс’¹ти’ждін ‘ровно неделю назад (сегодня исполнилась неделя)’, фар’би’ти ¹на ч’ервено ‘красить в красный цвет’, у’мер на ¹рака ‘умер от рака’ и нек. др.) в диалекте Великих Лазов. Одни из этих конструкций, как мы стремимся доказать, являются заимствованиями из венгерского языка, а другие — из словацкого.

1.2. Влияние словацкого и венгерского языков на закарпатские русинские диалекты и диалект Великих Лазов в области грамматики: история изучения

С точки зрения наличия большого количества иноязычных заимствований диалект Великих Лазов не является уникальным среди русинских диалектов Закарпатья. Лексические заимствования в закарпатских говорах — первая черта, огорашивающая украиноговорящих приезжих и толкающая их к принятию распространенной мифологемы, что русинский — это очень “замусоренный” украинский (см. статью Будовской в этом сборнике). Однако кроме лексики, заимствования обнаруживаются и в других системах закарпатских говоров, на возможность чего указывал Панькевич (1938: 26), писавший о том, что влияние венгерского языка на диалекты Закарпатья имело место прежде всего в лексике, а также в фонетике и синтаксисе; влияние в морфологии, однако, Панькевич считал несуществующим. Панькевич отмечал, что влияние шло через сельскую интеллигенцию (там же), не упоминая такие возможности контакта, имевшиеся до 1919 года, как службу молодежи в венгерской армии, взаимодействие сельчан с венгерской администрацией, а также продолжающиеся и в чешский период контакты с венграми на рынках и т. д.² Последующие исследования, выполненные в советское время украинскими, а также венгерскими лингвистами, обращали внимание на заимствования в основном в лексике. Кроме книги Лизанца (Лизанец 1976), описывающей распространение венгерских лексем на территории Закарпатья, а также некоторых упоминаний мадьяризмов в словаре Няговской Постиллы XVI в. (Деже 1985), можно упомянуть такие работы, как Дзэндзелівський (1966), Деже (1985, 1996), Капраль (2014) и др. Изоглоссы отдельных лексических мадьяризмов

2 Таким образом, Панькевич говорит о том, что мы сейчас назвали бы влияние Ausbau-языка, т. е. по Kloss (1967: 29), литературного языка, обладающего письменностью и общепризнанным стандартом, наряду с субстандартными разновидностями. В нашем случае имеет смысл скорее говорить о влиянии разговорного венгерского на уровне ежедневного контакта, чем о влиянии литературной разновидности венгерского языка на интеллигенцию и через нее на язык села.

отражены в АУМ-2 (напр., карты 287, 322, 369 и т.д.). Однако другие, нелексические, типы заимствований почти не интересовали исследователей. Так, Деже (1967: 162–180) рассматривает нестандартные употребления падежей и предлогов в языке Няговской Постиллы, но не исследует происхождение таких употреблений и не связывает их с возможными заимствованиями-кальками. Тем не менее представляется, что некоторые конструкции в русинских диалектах современной Закарпатской области, в том числе в великолазском, могут быть адекватно описаны именно как результат заимствования или кальки с венгерского языка, ср. в.-лаз. *са'нуїє от 'себе* ‘жалее (даже) для себя’, ‘жалее потратить на себя’, венг. *sajnálja magától* (жалеть.ОБ.Зед сам.АБЛ) ‘то же’.

Что касается влияния словацкого языка на русинские диалекты, Панькевич (1938: XVIII) упоминает о таком влиянии как в лексике и в морфологии, так и в фонетике, а также о наличии пословаченных русинских диалектов, хотя и не на территории современной Закарпатской области. Контакт и взаимовлияние русинских и восточнословацких диалектов описаны многими исследователями, в том числе в морфологии (ср. обзор, например, в Dudašová-Kriššáková (2001: 62–63), и разбор возможности заимствования из русинских говоров в словацкий некоторых падежных окончаний с историей вопроса там же, 64–69). В данной работе, к сожалению, мы не сможем подробно рассмотреть влияние восточнословацких диалектов на диалект Великих Лазов и ограничимся конструкциями, общими для великолазского диалекта и литературного словацкого языка, приводя восточнословацкие материалы лишь спорадически.

1.3. Возможность контактного заимствования грамматических черт

Типологически заимствование грамматических черт из одного языка в другой встречается довольно часто. Томасон и Кауфман (Thomason and Kaufman 1988: 14) считают, что любая лингвистическая черта может быть заимствована из одного языка в другой. Далее в своей книге они приводят “шкалу заимствования” (с. 74–75), где первая ступень из четырех возникает при легком контакте, четвертая — при “очень сильном культурном давлении” (с. 75); на первой ступени заимствования появляются только в лексике, на

трех остальных также среди “структурных черт”, включающих фонетику, морфологию и синтаксис. С ними согласна Айхенвальд (Aikhenvald 2006: 2), выражающая уверенность, что ни одна черта, будь то определенная форма или образец изменения, не может считаться защищенной от заимствования.

Грамматические черты другого языка часто проникают в язык под влиянием субстрата. Так, например, Митун (Mithun 1992: 105–107) показывает, что после того, как говорящие на языке помо, одном из индейских языков северной Калифорнии, перешли на английский, в их английском обнаруживаются не только фонетические, но и грамматические элементы их вымершего языка, как, например, особенности употребления артикля, лица в глаголе, числа в существительном. Однако грамматические черты другого языка могут появляться в языке и в результате более сложных процессов, как, например, балканские черты в сербском (по этому поводу существует обширная литература; из недавних работ см., например, (Nomachi 2015: 32).

Некоторые социолингвисты уверены, что “морфология и синтаксис ... — это те области лингвистической структуры, которые наименее подвержены влиянию контакта, и это статистическое обобщение не могут нарушить несколько исключений” (Sankoff 2001: 657). Другие объясняют заимствования синтаксических конструкций тем, что заимствуется на самом деле не синтаксис, а словарь и прагматика, а синтаксические изменения появляются “в результате лексических заимствований или переноса из другого языка дискурсивных или прагматических ограничений” (Silva-Corvalán 1998: 226). Большинство, однако, считает, что синтаксические конструкции могут заимствоваться. Паунтейн (Pountain 2006: 101–102) описывает определенные явления синтаксического влияния индейских языков Южной Америки на испанский именно в этом ключе: как «синтаксическое заимствование в двуязычном обществе ... Этот сценарий представляется типичным для языкового контакта, когда двуязычные носители занимают позицию низкого социального престижа, и заимствование происходит в разговорный язык». В нашем случае, т. е. при контакте между русинским и венгерским или словацким на уровне села и наличии двуязычных говорящих (подроб-

нее см. ниже), следовало бы ожидать именно таких синтаксических заимствований.³

1.4. Заимствования в области грамматики между венгерским и славянскими языками

Практические исследования показывают, что заимствование грамматических (морфологических и/или синтаксических) черт встречается даже между такими различными языками, как славянскими и венгерским. Одно из синтаксических заимствований из венгерского в два варианта русинского, пряшевский и воеводинский, рассмотрено У. Брауном (Browne 2016) в докладе на конференции Американского общества преподавателей славянских и восточноевропейских языков (AATSEEL); речь идет о конструкциях с союзом *же* и вопросительным словом, *пряш. русин. знав бы, же хто ... ся го дотулять*, *воевод. русин. знал би же хто ... го дотика* ‘знал бы, кто его касается’, возникших под влиянием аналогичной венгерской конструкции, ср. венг. *tudná, hogy ki és miféle az, aki érinti* ‘он бы знал, кто и какой (человек, который) его касается’ (букв. ‘что кто...’).

Заимствования в обратном направлении, из славянских языков в венгерский, в области грамматики и синтаксиса изучены более детально. Касательно контактов более древнего периода следует отметить работы Андерсэна (Andersen 2006) и Золтана (Золтан 2018), где влиянием славянских языков на венгерский объясняется появление в венгерском сложного будущего времени (венг. *menni fog* ‘будет идти’). В настоящее время активно изучается современное влияние славянских языков на венгерский в условиях контакта. Так, Ланстяк и Сабомихалы (Lanstyák and Szabó Mihály 1996, 1997) выяснили, что венгерские школьники на территории Словакии ис-

3 Паунтейн показывает также, что, кроме этого, в синтаксисе иногда встречается влияние иностранного языка (не второго родного) на язык образованных носителей, но что это явление слишком переоценивается пуристами, считающими его угрозой Ausbau-языку; на самом же деле, такие явления строго ограничены регистром (журналистским, официально-деловым и т.д.: там же, 104). Скорее всего, к этому типу относилось бы гипотетическое, по Панькевичу, влияние венгерского на русинский, передаваемое через сельскую интеллигенцию.

пользовали статистически значимо больше грамматических калек со словацкого языка, если они обучались в школах со словацким языком обучения, чем если обучение велось на венгерском языке; кроме того, даже последняя группа допускала больше словацких калек, чем венгерскоязычные школьники с территории Венгрии. Черничко и Фенивеш (Cserniczó and Fenyvesi 2001) также рассматривают грамматические калки с контактных языков в речи би- и многоязычных венгров на территории Украины. Контра (Kontra 2001), проанализировав 24 черты, включая такие грамматические черты, как употребление множественного числа существительных, нулевое объектное местоимение (object pro-drop) и др. в употреблении венгров-билингвов на территории нескольких стран, выяснил, что существует разница между венграми, живущими в Словакии и Украине, с одной стороны, и в Сербии, с другой: венгры из Сербии реже выбирают калки, т. е. сохраняют венгерские черты лучше, чем венгры из Словакии и Украины. Kontra объясняет это более долгим временем контакта между венгерским, с одной стороны, и словацким и украинским, с другой, чем между венгерским и сербским языками. Это подтверждает гипотезу Томасон и Кауфман (Thomason and Kaufman 1988: 67) о том, что долгое время (несколько сотен лет) интенсивного контакта, а также двуязычие являются критическими факторами для возможности распространения заимствований.

1.5. Характер контакта русинского языка с венгерским и словацким языками в Великих Лазях

Оба указанных фактора, двуязычие и долгое время контакта, характерны для контакта русинского говора Великих Лазов с венгерским языком. В селе, при наличии русинского большинства, издавна присутствовало и венгерское население. По последней до-советской переписи 1940 г., из 888 жителей в селе было 58 римо-католиков (из которых венгры составляли очевидно большую часть, хотя изредка русины тоже бывали римо-католиками), 795 греко-католиков (русины), 2 православных (?), 6 протестантов (скорее всего, венгры, возможно также словаки), 27 иудеев. В начале 20-го века некоторые жители села, получившие образование, работали в Ужгороде, пользуясь на работе венгерским языком. В начале 20-го века в

селе был построен спиртовой завод, на котором работали и местные жители, и приезжие, используя в общении государственный венгерский язык. В тот же период в селе функционировала венгероязычная начальная школа. Простые жители села часто торговали своими сельскохозяйственными продуктами на базаре в Ужгороде, для чего нужно было хотя бы элементарное знание венгерского. Жители Великих Лазов все время активно контактировали с соседним венгерским селом Korlathhalmes, сейчас Холмець, который к тому же был местным административным центром (нотариатом), по рассказам жителей, часто ходили туда, в том числе, на танцы уже в советское время. В селе также были смешанные русинско-венгерские семьи, причем смешанные браки происходили и между войнами, и в 1960-х, и в 1990-х.

Контакты говора Великих Лазов со словацким языком были, как представляется, менее интенсивными, но, тем не менее, ощутимыми, в силу географической близости Словакии, а также взаимопонимаемости между носителями словацкого и русинского языков. В село время от времени переселялись выходцы из нынешней Восточной Словакии. Один из таких переселенцев с нынешней территории Восточной Словакии в довоенное время носил прозвище 'Тоўтік (ср. венг. *tót* 'словак'). Нынешние 80-летние также помнят, как в их детстве в село периодически приходили ремесленники-словаки, которые чинили глиняные горшки или кастрировали поросят, приезжали словаки-тряпичники, выменивавшие старое тряпье на иголки и нитки. На Рождество, по воспоминаниям, происходили рождественские игры, исполнялись колядки и щедровки по-восточнословацки.⁴

4 Ср., например, текст речи Губы, одного из наиболее ярких персонажей рождественских игр: *Йуж зме йілі, йуж зме пілі, йуж зме ўшіцко дбѡн ч'ілі. Ко са на нас ч'удује, най нам даѡо дарује. Галбу вина, галбу пива, даѡо печ'енего... Кід' нам н'іц н'е даѡе, та нас пѡгн'іваѡе. Ўшіцкі гарч'кі потр'енеме, ѡо на пецу маѡе... 'Уже мы ели, уже мы пили, уже мы все закончили. Кто на нас смотрит, пусть нам кое-что подарит. Пинту вина, пинту пива, чего печеного... Если нам ничего не дадите, вы нас разгневаѡе. Всю посуду побьем, которая у вас на печи...'*

Все вышеперечисленное указывает на тесный контакт русинского говора Великих Лазов с венгерским и, возможно, со словацким языком. Такие контакты, по Thomason and Kaufman, являются почвой для активного процесса заимствования, в том числе заимствования в области грамматики и синтаксиса.

2. Материал, метод и структура работы

Как отмечено выше, нас заинтересовали некоторые необычные конструкции с предлогом *na* и винительным падежом. Предлог *na* является общеславянским, он есть во всех славянских языках, включая украинский, словацкий и русинский литературные языки, а также их диалекты, соседствующие с диалектом Великих Лазов. Однако определенные употребления этого предлога, отмеченные нами в Великих Лазах, представляются нестандартными, а иногда уникальными для окружающих славянских языков. С другой стороны, схожие конструкции отмечаются в венгерском языке, где, однако, используются послелого. Некоторые конструкции отсутствуют в венгерском языке, но наличествуют в словацком.

В дальнейшей работе представлено несколько групп нестандартных употреблений предлога *na* в диалекте села Великие Лазы, выделенных нами на основании наших полевых записей 2007 — 2017 гг. (М.К.) Эти группы употреблений сравниваются со сходными группами употребления предлога *na* в литературном словацком языке и с аналогичными конструкциями с послелогоми в венгерском языке. В заключении делаются выводы о происхождении этих конструкций в диалекте Великих Лазов.

3. Рассматриваемые конструкции в диалекте Великих Лазов

3.1 Конструкция *poze'rať na 'кукер* 'смотреть в бинокль'

Как видно из приведенного примера, в диалекте Великих Лазов предлог *na* с вин. п. может использоваться в значении 'через' или 'сквозь'.

Другие примеры такого употребления: *Uvid 'iv-im go na 'облак* 'Я увидел его в окно (сквозь окно)'; *Na d 'ir'ku u n'lôt 'i sa za'd 'iv do dvo'ra* 'Сквозь (через) дырку в ограде залез во двор'; *Zal 'iz do 'xíži*

на 'облак 'Влез в дом через окно'; 'Вуверг на 'облак 'Выкинул в окно'; На Пет'ранин д'вур са йш'ло до к'лубу 'Через двор Петрани ходили в клуб'; На Драв'ец'кий л'ис пак ходи'ли лас'ки л'уде до 'вароша 'Через Дравецкий лес ходили когда-то жители села Великие Лазы в город'; Ат:аді на Ставлініц' -ім ходиіу на 'Тан'у 'Вот сюда через Ставлинец я ходил на Таню (место, где находится коньячный завод)'; На лаўку 'д'енк'оўч'ата 'х'од'ат' до ш'колі 'Через мостик ученики школы из Дынковцев (часть села) ходят в школу'.⁵

Такая конструкция нехарактерна для словацкого, где для передачи этого значения употребляются конструкции с тв. п. или с предлогом *cez* 'через, сквозь' + вин.п.: *zaliezol do domu cez okno*⁶ / (реже *oknom*) 'влез в дом через окно'. Однако конструкция, похожая на великолазскую, употребляется в венгерском:

<i>betászni</i>	(<i>a házba</i>)	<i>az ablakon</i>	<i>keresztül</i>
влезть.ИНФ	(АРТ дом.ИЛЛ)	АРТ окно.СУПЕРЕС	через.ЭСС-МОД
влезть	(в дом)	на окне	через-образно
'влезть (в дом) через окно'			

В венгерском языке нет предлогов и, в славянском смысле, таких падежей, когда один аффикс выражает и число, и падеж (напр., *-ами* тв. мн.). Эти функции выполняются постпозитивными аффиксами, которые в некоторых грамматиках называются падежами. Эти квазипадежные аффиксы добавляются после показателя множественного числа, если он есть (*ház.ak.ba* дом.МН.ИЛЛ 'в домá') и при необходимости сингармонизируются. При этом если в русском направление и местонахождение выражаются падежами (как правило, вин.п. для направления, предл. п. для местонахождения), а ориентация по отношению к предмету – предлогами (*на столе, на стол; в столе, в стол*), в венгерском употребляются четыре раз-

5 В диалекте Великих Лазов существуют также конструкции с предлогами *круз* 'сквозь' и *ч'ерез* 'через': *круз' з'гло-м у'від' іу йі* 'сквозь стекло я увидел ее'; *до 'хіжі зайш'лі ч'ерез 'облак* 'в дом вошли через окно', наряду с конструкциями с предлогом на: *На з'гло-м у'від' іу йі; До 'хіжі зайш'лі на 'облак*. Насколько нам известно, разницу между конструкциями с *круз'ч'ерез* и *на* говорящие не ощущают.

6 Этот вариант представляется говорящим более приемлемым.

ных аффикса: сублатив *-ra* (движение на поверхность предмета), суперессив *-n* (нахождение на поверхности предмета), иллатив *-ba* (движение внутрь предмета), инессив *-ban* (нахождение внутри предмета).⁷ В великолазском русинском направление движения довольно часто выражается предлогом *do* + вин.п. (*хо^дди^ли до^л вароша* ‘ходили в город’, *хо^д’ам’ дб шкóли* ‘ходят в школу’), в венгерском используется аффикс иллатива *-ba* или сублатива *-ra*. Однако путь или траектория движения в венгерском, как в приведенном выше примере, стандартно маркируется суперессивом *-n* (+ *keresztül*⁸), что в буквальном переводе на русский будет ‘на + предл.п. (+через-образно)’. Вот еще несколько венгерских примеров:

<i>kidobta</i>	<i>a</i>	<i>zsebkendőjét</i>	<i>az</i>	<i>ablakon</i>
наружу-бросить.ОБ.ПРОШ.Зед	АРТ	носовой-платок.ПОСЕСС. АКК	АРТ	окно.СУПЕРЕС
<i>keresztül</i>	<i>a</i>	<i>virágágyásra</i>		
через.ЭСС-МОД	АРТ	клумба.СУБЛ		

‘он/а бросил/а (свой) носовой платок через окно на клумбу’

<i>a teleszkópon</i>	<i>keresztül</i>	<i>nézi</i>	<i>a</i>	<i>holdat</i>
АРТ телескоп.СУПЕРЕС	через.ЭСС-МОД	смотреть.ОБ.Зед	АРТ	луна.АКК

‘он/а смотрит на луну в телескоп’

Венгерская конструкция с суперессивом *-n* (+ *keresztül*) схожа с великолазской русинской конструкцией с предлогом *na* (*позерати на кукер*). Однако существует одно важное отличие: в великолазском употребляется вин. п., обозначающий направление, в то время как в венгерском употребляется суперессив (местонахождение), а не сублатив (направление). Буквальный перевод венгерской конструкции на великолазский был бы **позе^лрати на^л кукери* ‘смотреть на бинокле’ с предл. п.; такая конструкция в диалекте не отмечена. Тем не менее, в великолазском имеется черта, позволяющая сблизить конструкции, обозначающие местонахождение и направление. Если в существительных местонахождение и направление стандартно

⁷ Все четыре аффикса, как уже было упомянуто, могут сингармонизироваться.

⁸ Говорящие отмечают, что в некоторых случаях слово *keresztül* не нужно: *kiejtette a zsebkendőt az ablakon* ‘он(а) уронил(а) носовой платок из окна/через окно’: однако нам не удалось выяснить, когда это слово является необходимым, а когда оно должно быть опущено.

различаются⁹, то в вопросительных наречиях используется только одна форма *де*, как для местонахождения, так и направления: *Де-сь пушов?* ‘Куда ты пошел?’ *Де-сь бов?* ‘Где ты был?’; сохранившееся, напр., в русском различие *где* (местонахождение) и *куда* (направление) в великолазском утеряно. Если смешение местонахождения и направления в великолазском в принципе возможно, то не исключено, что оно имело место и при заимствовании венгерской конструкции.

Интересно, что похожая конструкция с предлогом *на* в значении ‘через’ была записана один раз и в другом русинском диалекте, находящемся далеко от венгерской границы, на Верховине, в с. Новоселица Межгорского района Закарпатской области; ср. диалог между собирательницей (Б) и жительницей села, родившейся в конце 1930х (А):

Б а лѳкѳв ци мѳже корѳва ити ?

А но

Б де лѳвка

*А дож... ѳа дѳ лѳвка на лѳвку нѳ | на лѳвку не ишли корѳвы ѳи в
вѳду ишли | ѳ та дѳ на лѳвку на лѳвку лиши лѳде перехѳдят |*

Б А по мостику/ через мостик может корова идти?

А ну

Б там, где мостик

А дож... а нет, какое там мостик, по мостику нет. По мостику / на мостик не шли коровы, они в воду шли. Куда там по мостику / на мостик, через мостик только люди переходят.

Собирательница (Б) задает вопрос, конструируя форму *лѳкѳв* (твор.п.) в значении ‘через мостик, по мостику’, А не понимает вопроса. (А не очень хорошо слышит, но как выяснилось, непонимание возникает наиболее часто именно в те моменты, когда Б употребляет формы, несвойственные диалекту.) Б пытается объяснить, используя другую форму того же слова. А, наконец, понимает, о чем идет речь, но в своих собственных объяснениях она последовательно использует только форму *на лѳвку* в значении ‘по мостику’/ ‘на

⁹ Местонахождение выражается *в/на* +пред.п.; направление выражается несколькими способами, включая *до* + род.п., *на/в* +вин.п.

мостик' и, в последнем предложении, в значении 'через мостик'.

Если наличие этой конструкции в других русинских диалектах Закарпатья подтвердится новыми примерами, возможно будет говорить о грамматическом мадьяризме не только в диалекте Великих Лазов, где такая конструкция может быть обусловлена непосредственным контактом, но и о распространении этой конструкции далее, что может потребовать иного объяснения (см. ниже).

Аналогичная конструкция с предлогом *на* в значении 'через' наблюдается в великолазском диалекте и для обозначения времени: *На рук у'види'ме* 'Через год увидим'. В венгерском есть сходная конструкция (ср. венг. *rá egy évre/egy évre rá* (СУБЛ.Зед один год. СУБЛ / один год.СУБЛ СУБЛ.Зед) 'через год', *rá öt napra/öt napra rá* (СУБЛ.Зед пять день.СУБЛ / пять день.СУБЛ СУБЛ.Зед) 'через пять дней' *etc.*). Эта конструкция отсутствует в литературном словацком, где в этом значении употребляется предлог *o* с вин.п.: слвц. *o rok uvidíme* 'через год увидим', но в восточнословацком имеется конструкция *na tidziň idze do mesta* 'через неделю идет в город', где *na* переводится на литературный словацкий как *o* (Buffa 2004: 167). Здесь, видимо, мы имеем дело с русинским и восточнословацким расширением употребления предлога *на* в значении 'через' по венгерской модели.¹⁰

3.2. Управление некоторых глаголов

Некоторые глаголы в диалекте Великих Лазов требуют предлога *на*. Среди них:

3.2.1. *vaditi sa na* + предл. п. 'ссориться по поводу чего'

Примеры: *На мѣж'и са 'вад'ат* 'Из-за границы земельного участка ссорятся'; *Хѳт' на 'ч'ѳму са пѳвад'ат' тѳт'и 'жѳни* 'Из-за любого пустяка рассорятся эти женщины'. Скорее всего, это тоже заимствование из венгерского, ср. венг.:

10 Подобная конструкция имеется и в украинском языке Галичины: во Львове, от Ж37, родом из Турковского р-на Львовской обл. записано: *прийде на тїждень* 'приедет через неделю' (запись Е.Б., лето 2018 г.).

a szomszédok veszekednek a mezsgyén
 АРТ сосед.мн ссориться.3мн АРТ межа.СУПЕРЕС

‘соседи ссорятся по поводу межи’

а также:

vitatkoznak a politikán
 спорить.3мн АРТ политика.СУПЕРЕС

‘они спорят о политике’

В литературном словацком языке в этой конструкции также используется предлог, но другой: слвц. *hádjú sa o pôdu* ‘ссорятся по поводу земли’, букв. ‘о земле’. Однако в восточнословацких диалектах такая конструкция отмечена: *na čím se bili* ‘из-за чего дрались’, переводимое как слвц. *o čo, kvôli čomu [sa bili]* (Halaga 2002: I, 444)

3.2.2. *m'ami'ti na* + вин.п. ‘помнить о’

Примеры: *Бу дѳбр 'i m'ami'ÿ na 'n 'a* ‘Чтобы хорошо помнил обо мне’. Это тоже выглядит как калька с венг.:

hogy jó emlékezzen rám
 что хорошо помнить.ИМП.3ед СУБЛ.1ед

‘чтобы вы (лит. ‘он’, форма вежливости) хорошо помнили обо мне’

Что характерно, в венгерском здесь, в отличие от примеров типа *-on + keresztül*, используется сублатив *-ra*, выражающий направление. В великолазском русинском также кроме предлога *na* в этой конструкции наличествует вин. п., выражающий направление, т. е. калька является более точной, чем в группе случаев с *-on + keresztül*.

В выражении значения ‘на’ венгерский здесь совпадает с немецким, где есть похожая конструкция с глаголом *erinnern sich an* + Acc ‘(вс-, на-)помнить о’:¹¹

нем.

ich erinnere mich daran
 я (вс/на)помнить.1ед 1ед.АКК это+на

‘я помню это / об этом’

11 Однако само выражение ‘вспоминай обо мне хорошо’ по-немецки лучше переводится другой конструкцией: *behalte mich in guter Erinnerung*, букв. ‘держи меня в хорошем воспоминании’,

В литературном словацком такая конструкция есть с глаголами ‘помнить’: *pamätať koho (čo) / na koho (na čo)* ‘помнить что/о чем’ (букв. ‘на чем’); *pamätaj na smrť* ‘помни о смерти’, однако с глаголом ‘напомнить’ (*pripomenúť*) эта конструкция не употребляется: *pripomenúť komu čo (koho)*. Не употребляется она и с возвратным глаголом *pamätať si*, где для обозначения объекта, в отличие от немецкого, употребляется вин. п. без предлога:

СЛВЦ.

<i>pamätaj</i>	<i>si</i>	<i>ma</i>
помнить.ИМП.2ед	возвр.ДАТ	1ед.ВИН
‘помни обо мне’		

Словацкая конструкция с глаголом ‘напомнить’ (*pripomenúť*) определенно не является калькой с немецкой: в нем. реципиент напоминания в вин. п. (а объект в вин. п. + *an*), а в слвц. реципиент в дат. п., а объект в вин.п. Однако конструкция с глаголом ‘помнить’ (*pamätať si*) уже ближе к немецкой ввиду наличия возвратного местоимения (хотя конфигурация падежей повторяет конструкцию при глаголе ‘напомнить’ (*pripomenúť*): реципиент стоит в дат. п., а объект в вин.п.). Наконец, в глаголе ‘помнить’ (*pamätať*) имеется, как одна из опций, конструкция с *na* + вин.п., схожая как с немецкой, так и с венгерской конструкцией наличием аффикса, выражающего значение *na*, но отличающаяся от немецкой отсутствием возвратного местоимения.

Великолазская конструкция с предлогом *na* при глаголе *m'a mu'mi* ‘помнить’ может быть заимствованием из словацкого¹² или из венгерского. Обращает на себя внимание наличие частично сходной конструкции в немецком. Не исключено, что это является частью некоторых языковых процессов, общих для австро-венгерской империи (см. ниже).

12 В восточнословацких шаршских диалектах есть конструкция, содержащая одновременно возвратное местоимение и предлог *na*, т.е. более близкая к немецкой: *dobře še na to pametam* (Buffa 2004: 167) ‘я хорошо это помню’; т.о., эта конструкция, как и немецкая, вряд ли является прямым источником великолазской.

3.2.3. *умертї на* + вин. п. ‘умереть от чего’

Примеры: *умертї на рака* ‘умереть от рака’. Эта конструкция представлена также в современном русинском литературном языке Закарпатья ср.: *умер на рака* ‘умер от рака’ (Керча 2007: I, 533). Венгерскому языку эта конструкция несвойственна, в венгерском употребляется инессив *-ban*:

rákban meghalni
 рак.ИНЕСС умереть.ИНФ
 ‘умереть от рака’ (букв. ‘в раке’)

Однако такие конструкции характерны для словацкого, ср. слвц. *zomrel na rakovinu / na infarkt* ‘умер от рака / от инфаркта’ (букв. на рак / ‘на инфаркт’). В немецком ситуация несколько иная: нем. *an Krebs sterben* ‘умереть от рака’ (букв. ‘на раке’) использует предлог *an*, но не вин.п. направления, а дат.п. местонахождения (ср. *an den Folgen eines Unfalls sterben* ‘умереть от последствий аварии’), соответствующий предл. п. славянских языков.

Эта конструкция в диалекте Великих Лазов, в отличие от предыдущих, скорее всего заимствована из словацкого, который, в свою очередь, возможно, сам заимствовал ее из немецкого, видоизменив падеж.¹³

Похожее, словацкое, происхождение можно предположить и для отмеченной в диалекте Великих Лазов аналогичной конструкции с глаголом ‘заболеть’: *nôxvôřiti sa na* + вин. п. ‘заболеть чем’: *nôxvôřiti sa na ěřu'na* ‘заболеть гриппом’.

В слвц. для выражения данного значения имеются две кон-

13 В литературном словацком существует два местоимения, одно из которых обозначает направление (*kam*), а второе — местонахождение (*kde*): *kam ideš?* ‘куда (ты) идешь?’ vs. *kde si?* ‘где ты?’ но уже даже литературный язык допускает использование *kde* в значении ‘куда’ (*kde ideš?*). В говорах, за исключением центральных, направление и местонахождение в вопросительных местоимениях смешиваются. Так, в восточнословацких шарошских говорах, как и в русинском, *dze* может употребляться в значении ‘куда’; ср. *ked človek plano zrobi, ta teľo še dze ňepodzeje* ‘если что-то плохое сделаешь, куда бы только не делся’ (т.е. провалился бы сквозь землю) (Buffa 2004: 68). Не исключено, что

струкции: *ochoriet' na maláriu* ‘заболеть малярией’ (букв. ‘заболеть на малярию’), и *dostať diabetes* ‘заболеть диабетом’ (букв. ‘получить диабет’); похожая ситуация наблюдается в немецком, где существует и распространенное *Grippe bekommen* ‘заболеть гриппом’, букв. ‘получить грипп’, и допустимое *an Magersucht / Grippe erkranken* ‘заболеть анорексией / гриппом’ (букв. ‘заболеть на анорексии / на гриппе’; в отличие от конструкции *Grippe bekommen*, данная конструкция ощущается говорящими как более редкая и более литературная). В венг. конструкция с сублативом *-ra* или суперессивом *-n* в данном значении неизвестна, употребляется только конструкция с глаголом *kapni* ‘получить’: *cukorbetegséget kapni* (диабет.АКК получить.ИНФ) ‘заболеть диабетом’.

3.2.4. *фарби́ти на ч’ервено* ‘красить в красный цвет’: признак, полученный в результате действия

Другие примеры: *звару́ти яйце́ на мн’атко* ‘сварить яйцо всмятку’. В венгерском с глаголами ‘красить’ и ‘варить’ возможна та же конструкция: *pirosra festeni* (красный.СУБЛ красить.ИНФ) ‘покрасить в красное’, *vörös színűre festett* (темно-красный цвет.СУБЛ красить.ПРОШ) ‘красил/а в темно-красный цвет’, *tojást főzni lágyra / keményre* (яйцо.АКК варить.ИНФ мягкий.СУБЛ / твердый.СУБЛ) ‘варить яйцо всмятку / вкрутую’. Такая же конструкция есть в словацком: *zafarbiť načerveno / na červeno* ‘покрасить в красный цвет’, *vajcia uvarené namätko / na mätko* ‘яйца, сваренные всмятку’. Однако в словацком эта конструкция при обозначении признака представляется более распространенной, чем в венгерском, например, она часто употребляется в отсутствие глагола: слвц. *fazuľa na husto* ‘густо сваренная фасоль’ — венг. *sűrű bab*; слвц. *šaty na gombiky* ‘платье с пуговицами’ — венг. *ruha gombokkal* (платье пуговица.мн.КОМИТ).¹⁴ Такая же конструкция существует в восточнословацких шарышских диалектах: *bandurki na ritko* ‘картофельный суп’, букв. ‘картофель на жидко’ (Buffa 2004: 239).

заимствование конструкций *zomriet' na týfus*, *ochoriet' na maláriu* произошло в тех диалектах, в которых имеется смешение направления и местонахождения.

В диалекте Великих Лазов конструкция с *na* + вин.п. для обозначения признака, особенно выраженного существительным, как представляется, распространена еще шире, чем в словацком, ср. в.-лаз. *vičan na 'bôpki* ‘платье в горошек’ — словц. *šaty bodkované*, венг. *pöttyös ruha*; в.-лаз. *noğavîç'i na 'lôkn'ou* ‘брюки клеш’ — словц. *zvoncové pohavice, rozšírené pohavice* — венг. *trapéz nadrág*. В Великих Лазах на употребляется также в конструкциях *na'col'a na 'z'obach'ki* ‘фасоль, сваренная в виде цельных фасолин’, букв. ‘фасоль на клевание’, *na'côl'a na kô'lôch'ên'a* ‘фасоль-пюре’, букв. ‘фасоль на разминание’.

В немецком предлоги *an* или *auf* в таких конструкциях практически неизвестны; ср. нем. *Blau färben* ‘красить в синий цвет’, *Schlaghose* ‘брюки клеш’, *Rock mit Knöpfen* ‘юбка с пуговицами’; с одним важным исключением: конструкция *Bohnen (zubereitet) auf mexikanische Art* (с вин.п.) ‘фасоль по-мексикански’ является стандартной.¹⁵ В венгерском эта конструкция для названий сложных блюд также является распространенной: *burgonya hercegnő módra* (картофель принцесса способ.СУБЛ) ‘картофель а-ля принцесса’, *sertésszelet dijoni módra* (свиная котлета дижонский способ.СУБЛ) ‘свиная котлета по-дижонски’ и др.;¹⁶ то же самое в словацком, где конструкция с *na* + *spôsob* (вин.п.): *na* (прилагательное) *spôsob* / *na spôsob* (существительное) употребляется весьма часто в названиях сложных блюд: *mäso na čínsky spôsob* ‘мясо по-китайски’, *torta s piškótami na spôsob tiramisu* ‘торт с печеньем а-ля тирамису’. Конструкции *auf ... Art* / *... módra* / *na (...)* *spôsob (...)* очевидно являются

14 Предложенное одним говорящим, мужчиной, *gombos ruha* (букв. ‘пуговичное платье’) было отвергнуто другим говорящим, женщиной: для нее *gombos ruha* значит ‘платье, усеянное пуговицами’, в отличие от *ruha gombokkal* ‘платье, застегивающееся на пуговицы’

15 Не исключено, что в словацком источнике конструкции *fazuľa na mexický spôsob* ‘фасоль по-мексикански’ (а затем *fazuľa na kyslo, na sladko, na husto* ‘фасоль в кислом соусе, в сладком соусе, густая фасоль’) явилась именно немецкая конструкция *Bohnen (zubereitet) auf italienische usw. Art*.

16 А. Золтан (подсказавший авторам конструкцию *sertésborda Du Barry módra* ‘свиные ребра а ля Дю Барри’), предполагает, что эта конструкция пришла в венгерский из немецкого языка Вены.

кальками друг друга, не только в предлоге/послелого, но и в выражении направления. Это, вместе с тем обстоятельством, что они обозначают блюда высокой кухни, делает предположение А. Золтана об их происхождении из немецкого языка Вены более чем вероятным, а практическое отсутствие расхождений между ними указывает на то, что они возникли относительно недавно и/или распространились методом, более способствующим сохранению структуры, чем устная передача (возможно, через такие средства, как газеты, книги рецептов и др.).

Что же касается конструкций *фар'би'тi 'на ч'ервено* ‘красить в красный цвет’, *віган на 'бiпкi* ‘платье в горошек’ и др., то по распространению этих конструкций похоже, что они являются более старыми, а также, что они попали в великолазский диалект из словацкого языка и активно там распространились. Более того, возможно, что в венгерском языке они тоже появились из словацкого (за исключением названий сложных блюд), хотя для точного утверждения недостаточно данных.

3.2.5. *па'тiка на жа'лудок* ‘лекарство для желудка’, *'мiдло на свiр'бл'ач'кi* ‘мыло от чесотки’, *от'рiва на пацка'н'i* ‘яд для крыс’ лекарство, средство для (орган) / от (болезнь/симптом, вредитель)

Примеры: *Мiшац'i х'вост'и'кi 'дiбрiй на жа'лудок* ‘Тысячелистник полезен для желудка (полезен при болезнях желудочно-кишечного тракта)’; *па'тiка на жа'лудок* ‘лекарство от/для желудка’ (название кафе, в начале 2000-ых открытого в 10 км от Великих Лазов, в пригороде Ужгорода, в селе Минай), *от'рiва на пацка'н'i* ‘яд для крыс’.¹⁷ Эта конструкция известна также в современном русинском литературном языке Закарпатья: *яд на мухы* ‘яд против мух’ (Керча 2007: I-533) и в более восточных диалектах Закарпатья: ср: в Вел. Бычкове Ж51, родом из Косовской Поляны: *'ролтон сесе 'першиий лiк на 'мою пе'чiнку* ‘ролтон — это самое первое лекарство для моей печени’ (запись Е.Б., лето 2018 г.)

17 В Великих Лазях в конструкциях с названиями болезней/симптомов чаще всего употребляется *од*, калькированное с украинского *від*: *л'i'ki*

Эта конструкция встречается и в словацком, и в венгерском. В словацком она употребляется и с названием органа, и с названием болезни/симптома, и с названием вредителя: слвц. *čo je dobré na takto podráždený žalúdok* ‘что хорошо для такого раздраженного желудка’; *lieky na alergiu / proti alergii / na liečbu alergie* ‘лекарства от аллергии/против аллергии/для лечения аллергии’ (все три встретились в одном объявлении и примерно в одном значении); *jed na potkany* (тж., реже, *jed pre potkany*¹⁸) ‘крысиный яд’; в венгерском — с названием органа или болезни/симптома: венг. *jó a gyomorra* (хороший АРТ желудок.СУБЛ) ‘хорошее для желудка’ (тж. *jó a gyomornak* (хороший АРТ желудок.ДАТ) ‘тж.’), *gyógymód a fejfájásra* (средство АРТ головная-боль.СУБЛ) ‘средство от головной боли’, *gyógymód a lázra* (средство АРТ температура-СУБЛ) ‘средство от температуры’, *gyógyszer a láz csillapításra* (средство АРТ температура снижение.СУБЛ) ‘лекарство для снижения температуры’ (менее типично *gyógyszer cukorbetegség ellen* (средство диабет против) ‘лекарство против диабета’, *segít a cukorbetegségben szenvedőnek* (помогает АРТ диабет.ИНЕС больной.ДАТ) ‘помогает больному от диабета’, букв. ‘в диабете’), но похоже, не с названиями вредителей: *patkánymérég* (крыса-яд) крысиный яд, *csótányirtó szer / poloskairtó szer* (таракан-уничтожающее средство, клоп-уничтожающее средство) ‘средство от тараканов / клопов’.

В немецком в этих конструкциях предлоги *auf* или *an* не употребляются: *gut für den Magen* ‘хорошо для желудка’ (орган), *Hustenmittel* ‘лекарство от кашля’, *eine Arznei für Kopfschmerzen und*

od дав'лін'a ‘лекарства от давления’. Эта конструкция, видимо, является заимствованием советского периода, когда лекарства, вместе с их украинизированными наименованиями, стали употребляться в повседневном быту, и новая конструкция с *od* вытеснила старое *na*, которое сегодня засвидетельствовано в единичных случаях, с названиями редких, не встречающихся больше болезней (ср. приведенное выше *модло на свёр'бл'ач'ки* ‘мыло от чесотки’).

- 18 Конструкция *jed pre potkany* встречается в объявлениях, но говорящие воспринимают такую конструкцию как комичную, объясняя, что она звучит так, как будто яд является угощением. Очевидно, *pre* обозначает адресата или бенефициара, а *na* — нечто, что подлежит уничтожению.

eine andere für Hautausschlag ‘одно лекарство от головной боли, а другое от сыпи’, *Mittel gegen Fieber, fiebersenkende Mittel* ‘жаропонижающее средство’, *Mittel gegen Diabetes* ‘лекарство от диабета’ (болезнь/симптом), *Insektenbekämpfungsmittel* ‘средство для борьбы с насекомыми’, *Bekämpfungsmittel gegen Kartoffelkäfer* ‘средство борьбы с колорадским жуком’, *Rattengift* ‘крысиный яд’ (вредители).

Судя по тому, что наиболее широкое распространение этой конструкции (во всех трех семантических случаях) наблюдается в словацком и великолазском, а в венгерском она не охватывает названия вредителя, представляется наиболее вероятным ее заимствование в великолазский из словацкого. При этом, однако, возникает вопрос, который напрашивался и ранее, при рассмотрении конструкций *m'a'mi'mi na*, *poxvo'rimi sa na*, *far'bi'mi na*, а именно, является ли заимствование из одного языка в другой адекватным описанием ситуации, когда некоторая черта распространяется в нескольких языках, и не подходит ли для такой ситуации скорее понятие общих процессов, характерных для языкового союза.

4. Габсбургский языковой союз

Томасон (Thomason 2000: 311–312) дает определение языкового союза (минимум три разных языка, имеющих общие структурные черты в результате контакта) и объясняет, что в языковом союзе влияние как правило идет в нескольких направлениях. Количество черт, общих в языках союза, может быть различным (314). Далее, разбирая исторические предпосылки складывания балканского языкового союза, Томасон пишет, что в результате пятисот лет турецкого владычества широкое распространение получило многоязычие; как правило, оно было симметричным; за исключением турецкого языка, асимметричный билингвизм, обычно являющийся результатом асимметричных отношений доминирования, на Балканах не развивался (2000: 318). В бывшей габсбургской, затем австро-венгерской монархии ситуация была несколько иная, в частности, в венгерской части империи с середины XIX в. активно насаждался венгерский язык (Magocsi 2015: 116–117), но, тем не менее, лингвистические ситуации в двух многоязычных империях имели много общего. Томас

(Thomas 2008: 125) предлагает, вслед за Скаличка (Skalička 1968), выделять средневропейский языковой союз¹⁹, который он называет габсбургским языковым союзом, и описывает его исторические предпосылки следующим образом: «Языковой контакт [немецкого, славянских языков и венгерского] продолжался более тысячелетия, вызывал многочисленные ситуации дву- и трехязычия, переключения и смешения языковых кодов, в результате которого по всему региону наблюдалось значительное влияние языков друг на друга» (перевод мой — Е.Б.). Анализируя лингвистические признаки габсбургского языкового союза, Томас (Thomas 2008) перечисляет такие глобальные языковые черты, как, из грамматических, наличие перфекта в роли претерита, перифрастического будущего, наличие и особый состав плюсквамперфекта и др. Нам, однако, представляется, что многие предлагаемые Томасом черты являются слишком общими и не обязательно вызванными контактом. Более продуктивным, по нашему мнению, является поиск общих черт на уровне таких локальных, но легко заимствуемых признаков, как, например, управление определенных глаголов или использование конструкций с определенными предлогами/послелогом для выражения специфических значений.²⁰

Можно указать еще по крайней мере одну конструкцию с предлогом на, которая была записана в Великих Лазах, но может оказаться общей для габсбургского языкового союза:

в.-лаз. *mêp'k'uj na d'itva'ka* 'смотри/следи за ребенком' (само слово *mêp'kô'vati* является немецким заимствованием), слвц. *merkovat', dávat' pozor na niekoho / niečo* 'смотреть за, обращать внимание на';

19 Томас (Thomas 2008: 125) говорит о дунайском/карпатском, или, точнее, габсбургском языковом союзе, т. е. о языковом союзе в границах габсбургской монархии до 1772, до присоединения Галиции, Буковины, Боснии и Далмации.

20 Такие конструкции, наличествующие более чем в одном языке исследовались, например, Яном Дорулей (Doruľa, 2000: 130, Doruľa, 1989: 357–360), который рассматривает словацкие обороты *pod chvíľou* 'за минуту', *pod krátkym časom* 'за короткое время', считающиеся заимствованиями из венгерского в словацкий (ср. венг. *rövid idő alatt* 'за короткое время'), но не верит в их венгерское происхождение.

merkovať na deti ‘смотреть за детьми’; чеш. *dát si pozor* ‘беречься, остерегаться, обращать внимание’: *Jak poznat alkoholika? Dej si pozor na tahle varovná znamení* ‘Как распознать алкоголика? Обращай внимание на эти тревожные знаки’ (с женского форума), etc.; венг. *figyelj / vigyázz a gyerekre* ‘смотри/слежи за ребенком; смотри, чтобы ты не ушиб и т.д. ребенка’, БСХ *пази на воз* ‘осторожно, поезд’; нем. *pass auf das Kind auf* ‘смотри/слежи за ребенком’.

Заключение

Якобсон (1971 [1931], 1985 [1936]), вместе с Трубецким введший в оборот понятие языкового союза, не объясняет, как происходит взаимовлияние языков, и почему оно оказывается ограниченным определенной территорией. Общеизвестно, что изоглоссы зачастую повторяют границы административных единиц прошлого. Так, например, А. Дыбо на материале новгородских диалектов выясняет, что границы современных диалектных групп во многом совпадают с административным делением Новгородской земли в XV–XVI вв. (1989: 181). А. Дыбо считает, что административное деление повторяет старое, племенное/диалектное членение территории (1989: 184); с этим нельзя не согласиться, но несомненно также и то, что внутри вновь возникающих административных единиц распространяются вновь возникающие языковые явления.

Представляется привлекательной идея образования языковых союзов путем распространения языковых черт через границы между языками в рамках государственных образований, таких как многонациональные и многоязычные империи, особенно те, в которых недоминантные языки не подавлялись.²¹ Для объяснения

21 Напротив, в таких образованиях, Российская империя конца XIX-го в. или СССР периода после второй мировой войны, где владение официальным русским языком воспринималось как обязательное для всех, необходимое для социальной мобильности и успешной карьеры, (Slezkine, 1994, Pavlenko, 2008, Беликов и Крысин, 2001) и фактически являлось оправданием для незнания других языков, включая язык национальной республики, ситуация вела не к языковому союзу, а к русификации и к утере национальных языков.

механизма распространения лингвистических черт в Габсбургской монархии возможно, в частности, использовать модель, предложенную (Burrige 2018) и учитывающую лингвистическое поведение. В физико-математической модели, предназначенной для описания как волнообразного распространения изоглосс, так и иерархического распространения лингвистических черт (hierarchical diffusion, распространение лингвистических черт из центров на периферию, см. Chambers and Trudgill 1998: 178), Burrige выделяет индивидуумов со столичным (metropolitan) типом лингвистического поведения: такие индивидуумы имеют доступ к коммуникации на большие расстояния, поэтому имеют большую тенденцию общаться друг с другом даже на расстоянии, чем жители сельских местностей; количество актов общения (interactions) между такими индивидуумами позволяют им сохранить свои языковые особенности, а в силу большого количества таких индивидуумов количество актов общения между ними и не-носителями их диалекта также является высоким; в связи с этим лингвистические черты их диалектов распространяются с большей скоростью и устойчивостью, чем черты других диалектов. Для общества эпохи (раннего) модерна с наличием таких атрибутов цивилизации как почтовое сообщение, газеты, централизованная администрация, а также высокая мода, эта модель правдоподобно описывает возможность распространения языковых черт от центра такой монархии, как Габсбургская, на периферию и в сельскую местность, а наличие дву- и многоязычия как в городах, так и в сельской местности, позволяющее калькирование, делает межъязыковые границы проницаемыми для распространения конструкций. Таким образом, в Великих Лазах, даже не находящимся на границе с немецкоязычной территорией,²² обнаруживаются структурные черты, скорее всего, пришедшие из немецкого в словацкий и оттуда в великолазский. Распространение таких черт, естественно, происходит между диалектами одного языка (ср. упомянутое выше

22 Строго говоря, черты, свойственные немецкому языку, могли распространяться не только с немецкоязычной территории, но и через посредство дву- и многоязычных многочисленных немецких колонистов-ремесленников в городах и др..

возможное наличие конструкции *на лавку* ‘через мостик’ далее на восток по Закарпатья, а также распространенность конструкций *умерти на рака, яд на мухы*, отмечаемых Керчей), но интересна возможность распространения таких черт между различными языками, при благоприятных условиях ведущая к появлению нового языкового союза.

Принятые сокращения

АБЛ – аблатив

АКК – аккузатив

АРТ – артикль

БСХ – боснийский/сербский/хорватский

ДАТ – датив

ИЛЛ – иллатив

ИМП – императив

ИНЕС – инессив

ИНФ – инфинитив

КОМИТ – комитатив

МН – множественное число

ОБ – объектное спряжение

ПОСЕСС – посессив

ПРОШ – прошедшее время

СУБЛ – сублатив

СУПЕРЕС – суперессив

ЭСС-МОД – эссив-модалис

в.-лаз. – великолазский, диалект Великих Лазов

венг. – венгерский

вин.п. – винительный падеж

нем. – немецкий

предл. п. – предложный падеж

тв. п. – творительный падеж

чеш. – чешский

слвц. – словацкий

Литература

- АУМ-2 1988 – І. Г. Матвіяс та ін. Волинь, Наддністрянщина, Закарпаття і суміжні землі. *Атлас української мови* т. 2. Київ: Наукова думка.
- Деже 1967 – Л. Деже. *Очерки по истории закарпатских говоров*. Будапешт: Akadémia Kiadó.
- Деже 1985 – Л. Деже. *Украинская лексика середины XIV века. Няговские поучения (Словарь и анализ)*. Debrecen: Дебреценский государственный университет.
- Деже 1986 – Л. Деже. *Деловая письменность русинов в XVII–XVIII веках. Словарь, анализ, тексты*. Nyíregyháza.
- Дзендзелівський 1966 – Й. О. Дзендзелівський. Изгласи угорських лексичних нашарувань в українських говорах Закарпатської області УРСР. В: Ф. Т. Жилко (ред.). *Українська лінгвістична географія*. Київ: Наукова думка, 45–75.
- Дыбо 1989 – Анна В. Дыбо. *Деклинационные различия новгородских диалектов XIII–XIV вв. и их локализация. Часть 2. Балтославянские исследования 1987*. Москва: Наука, 162–186.
- Золтан 2018 – Андраш Золтан. Венгерское сложное будущее в славянском контексте. В: Н. Запольская, М. Обижаева (ред.). *Восьмые Римские Кирилло-Методиевские чтения: Материалы конференции*. Москва: Индрик, 65–70.
- Капраль 2014 – М. Капраль. Венгерские языковые элементы в речи жителей села Великие Лазы Ужгородского района. В: Є. Барань, С. Черничко (ред.). *Українсько-угорські міжмовні контакти: минуле і сучасність. Матеріали міжнародної наукової конференції (Берегово, 2012 рік)*. Ужгород: Видавництво В. Падяка, 132–149.
- Керча 2007 – Ігорь Керча. *Словник русинсько-руський. У двох томах, верьх 58000 слов / Русинско-русский словарь. В двух томах, свыше 58000 слов*. Ужгород.
- Лизанец 1976 – П. Н. Лизанец. *Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья: Венгерско-украинские межъязыковые связи*. Будапешт: Akadémia Kiadó.

- Панькевич 1938 – I. Панькевич. *Українські говори Підкарпатської Русі і сумежних областей. З приложенням 5 діалектологічних мап. Частина I. Звучня і морфологія* (Knihovna Sboru pro výzkum Slovenska a Podkarpatské Rusi při Slovanském ústavu v Praze. Číslo 9). Praha.
- Якобсон 1985 [1936] – Роман Якобсон. О теории фонологических союзов между языками. *Избранные работы*. Москва: Наука, 92–104.
- Aikhenvald 2006 – A.Y. Aikhenvald, 2006. Grammars in Contact: A cross-linguistic perspective. In: A.Y. Aikhenvald & R.M.W. Dixon (eds.). *Grammars in Contact: A Cross-Linguistic Typology*. Oxford: Oxford University Press, 1–66.
- Andersen 2006 – Henning Andersen. Periphrastic futures in Slavic: Divergence and convergence. In: Eksell, Kerstin, and Thora Vinther (eds.). *Change in verbal systems: Issues in explanation*. Bern: Peter Lang, 9–45.
- Browne 2016 – Wayles Browne. *The Rusin Standard Language in Serbia and Croatia and the Rusyn Standard Language in Slovakia*. Paper delivered at AATSEEL, Austin, Texas, Jan. 8, 2016.
- Buffa 2004 – Ferdinand Buffa. *Slovník Šarišských nářečí*. Prešov: Náuka.
- Burridge 2018 – James Burridge. Unifying models of dialect spread and extinction using surface tension dynamics. *Royal Society Open Science* 5 (1).
- Csernicskó & Fenyvesi. 2000 – István Csernicskó and Anna Fenyvesi. The sociolinguistic stratification of Hungarian in Subcarpathia. *Multilingua* 19, 95–122.
- Doruľa 1989 – Ján Doruľa. Slovenské slovo priš a maďarizmy v slovenčine. *Slovenská reč* 54, 354–360.
- Doruľa 2000 – Ján Doruľa. Výpožičky z maďarčiny v slovenčine. *Slavica Slovaca* 35(2), 128–132.
- Dudašová-Kriššáková 2001 – Júlia Dudašová-Kriššáková. *Kapitoly zo slavistiky*. Prešov: Filozofická fakulta Prešovskej univerzity.
- Halaga 2002 – Ondrej R. Halaga (ed.). *Východoslovenský slovník. Historicky dokumentovaný (921-1918); paralely české, slovenské*

- ekvivalenty* I.-II. diel. Košice – Prešov.
- Jakobson 1971 [1931] – Roman Jakobson. Über die phonologischen Sprachbünde. *Selected Writings I*. The Hague-Paris : Mouton, 137–143.
- Kloss 1967 – Heinz Kloss. Abstand-Languages and Ausbau-Languages. *Anthropological Linguistics* 9.7, 29–41.
- Kontra 2001 – Miklós Kontra. Hungarian verbal puzzles and the intensity of language contact. *Journal of Sociolinguistics* 5 (2), 163–79.
- Lanstyák and Szabó Mihály 1996 – István Lanstyák and Gizella Szabó Mihály. Contact varieties of Hungarian in Slovakia: A contribution to their description. *International Journal of the Sociology of Language* 120, 111–130.
- Lanstyák and Szabó Mihály 1997 – István Lanstyák and Gizella Szabó Mihály. *Magyar nyelvhasználat - iskola - kétnyelvűség*. Pozsony: Kalligram.
- Magocsi 2015 – Paul R. Magocsi. *With Their Backs to the Mountains: A History of Carpathian Rus' and Carpatho-Rusyns*. Budapest, New York: Central European University Press.
- Mithun 1992 – Marianne Mithun. The substratum in grammar and discourse. In: Ernst H. Jahr (ed.). *Language Contact: Theoretical and Empirical Studies* (Trends in Linguistics: Studies and Monographs 60). Berlin: Mouton de Gruyter, 103–115.
- Nomachi 2015 – Motoki Nomachi. “East” and “West” as Seen in the Structure of Serbian: Language Contact and Its Consequences. In: Ljudmila Popović and Motoki Nomachi (eds.). *The Serbian Language as Viewed by the East and the West: Synchrony, Diachrony, and Typology*. Hokkaido: Slavic-Eurasian Research Center of Hokkaido University, 29–63.
- Pavlenko 2008 – Aneta Pavlenko. Multilingualism in Post-Soviet Countries: Language Revival, Language Removal, and Sociolinguistic Theory. *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism* 11(3–4), 275–314.
- Pountain 2006 – Christopher J. Pountain. Syntactic borrowing as a function of register. In: Anna Laura Lepschy and Arturo Tosi (eds). *Rethinking Languages in Contact. The Case of Italian*. Oxford: Legenda, 99–111.

- Sankoff 2001 – Gillian Sankoff. Linguistic Outcomes of Language Contact. In: Peter Trudgill, J. Chambers, and N. Schilling-Este (eds.). *Handbook of Sociolinguistics*. Oxford: Basil Blackwell, 638–668.
- Schaller 1997 – Helmut W. Schaller. Roman Jakobson’s Conception of “Sprachbund”. *Cahiers de l’ILSL* 9, 199–204.
- Silva-Corvalán 1998 – Carmen Silva-Corvalán. On borrowing as a mechanism of syntactic change. In: Armin Schwegler, Bernard Tranel, and Myriam Uribe-Etxebarria (eds.). *Romance Linguistics: Theoretical Perspectives. Selected papers from the 27th Linguistic Symposium on Romance Languages (LSRL XXVII), Irvine, 20–22 February, 1997*. Amsterdam: John Benjamins.
- Slezkine 1994 – Y. Slezkine. The USSR as a communal apartment, or how a socialist state promoted ethnic particularism. *Slavic Review* 53 (2), 414–452.
- Thomas 2008 – George Thomas. Exploring the parameters of a Central European Sprachbund. *Canadian Slavonic Papers* 50 (1-2), 123–53.
- Thomason & Kaufman. 1988 – S. G. Thomason & T. Kaufman. *Language Contact, Creolization and Genetic Linguistics*. University of California Press.
- Thomason 2000 – Sarah Grey Thomason. Linguistic areas and language history. In: D.G. Gilbers, J. Nerbonne, and J. Schaecken (eds.). *Languages in Contact (Studies in Slavic and General Linguistics vol. 28)*. Amsterdam - Atlanta, GA: Rodopi, 311–327.